

**ФОРМИРОВАНИЕ ГЕТЕРОДОКСАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В УСЛОВИЯХ
ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ***DOI: <https://doi.org/10.24891/uiqtod>EDN: <https://elibrary.ru/uiqtod>**Динара Рустемовна ОРЛОВА**

ответственный автор, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, ведущий научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
e-mail: DROrlova@fa.ru
ORCID: 0000-0002-2901-070X
SPIN: 8042-7148

Алина Игоревна АНИСИМОВА

младший научный сотрудник, Институт глобальных исследований факультета международных экономических отношений, ассистент кафедры экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
e-mail: aianisimova@fa.ru
ORCID: 0000-0002-4761-1656
SPIN: 9325-3938

История статьи:

Рег. № 505/2025
Получена 04.08.2025
Одобрена 08.08.2025
Доступна онлайн
30.09.2025

Специальность: 5.2.1

УДК 330.1
JEL: B50, P16, Q01

Ключевые слова:

гетеродоксальная экономика,
неоклассическая парадигма,
феминистская экономика,
экологическая экономика,
междисциплинарный подход

Аннотация

Предмет. Гетеродоксальные подходы к экономике с акцентом на критику неоклассической парадигмы.

Методология. Применены историко-материалистический анализ, междисциплинарный подход.

Результаты. Показано, что гетеродоксальная экономика дает более полное представление о социальных и экологических вызовах, экономика рассматривается как открытый процесс, в котором ключевым фактором является участие разных социальных групп и учет природных ресурсов. Модели с гетерогенными агентами и нестабильностью могут быть более реалистичными в понимании современного экономического процесса.

Выводы. Гетеродоксальные экономические школы сталкиваются с маргинализацией в академическом пространстве, однако их плюрализм и открытость к новым подходам позволяют сохранять актуальность и стимулировать развитие более адекватных экономических теорий, которые включают в себя вопросы социальной справедливости и экологической устойчивости.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2025

Для цитирования: Орлова Д.Р., Анисимова А.И. Формирование гетеродоксальной парадигмы в условиях вызовов современной экономики // Финансы и кредит. – 2025. – № 9. – С. 53 – 70.

DOI: 10.24891/ttjdlf EDN: TTJDLF

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Неоклассическая экономическая теория как доминирующая парадигма представляет собой аналитическую структуру, предполагающую формализацию сложной сети взаимодействий между индивидами, которая формирует социальную реальность. Гносеологический абсолютизм мейнстрима склонен игнорировать тот факт, что процессы моделирования через абстрагирование, предполагают включение лишь части элементов окружающей действительности, в то время как влияние других остается незамеченным. Так, зачастую остаются без внимания широкие социокультурные, политические и исторические аспекты экономики. В результате любая аналитическая модель, которая представляет себя как общая теория равновесия, на самом деле будет искажена последствиями своей собственной онтологической замкнутости. Ф. Хан [1] признавал, что равновесные состояния, которые изучает экономическая теория, редко или никогда не наблюдаются в реальности.

В числе основных различий между мейнстримом и гетеродоксией – онтологический подход: первый предполагает замкнутость и предсказуемость системы, а второй исходит из открытости, эволюционности и институциональной обусловленности экономических процессов.

Догматизм основы неоклассической экономической теории стал самодостаточным, отвергающим любые попытки ее обновления, даже в рамках действующей парадигмы. Одним из наиболее ярких примеров несовпадения неоклассических теорий с реальной экономикой является парадокс инноваций или провал теорий роста производительности через инвестиции в инновации. Представители неоклассической школы экономической теории не способны предложить объяснение этого явления, оставаясь в рамках ограниченного неоклассического подхода и игнорируя ключевые мировые экономические факторы [2].

Необходимо переосмысление доминирующей парадигмы экономической теории, позволяющее преодолевать несовершенства неоклассической школы. Экономика должна учитывать динамичные взаимодействия между различными типами социальных агентов с разнообразными предпочтениями, принимать во внимание, что эти агенты действуют только частично рационально, и их решения подвержены влиянию психологических и культурных факторов. Информация, распределенная на рынках, несовершенна, неполна и лишь частично релевантна. Этот аспект становится особенно важным в условиях современной интенсивной цифровизации. Рынки многообразны по масштабу, структуре, содержательной наполненности, а также следуют различным эволюционным траекториям, в некоторых областях они могут находиться далеко от равновесия. Образование, пол, этническая принадлежность и другие возможные характеристики дискриминации могут оказывать влияние на равный доступ к экономическим процессам. Специфические особенности культурных парадигм влияют на общественные предпочтения при разработке механизмов перераспределения.

Другой пласт проблем, стоящих перед гетеродоксальной экономикой, содержит вопросы экономического развития, которое представляет собой не только количественное увеличение продукта или дохода, сколько качественное совершенствование, устойчивое развитие, включающее различные аспекты человеческого развития, охраны окружающей среды, социальной справедливости, равных возможностей и экономического патриотизма.

Рассмотрим историю развития гетеродоксального направления экономической теории. Она представляет собой разнообразие альтернативных подходов и концепций, которые расходятся с доминирующими неоклассическими и монетаристскими парадигмами. Эти теории критикуют ортодоксальные модели, основанные на рыночном равновесии, совершенной конкуренции и максимизации индивидуальных интересов, излишней математизации и вместо этого фокусируются на социальном контексте, институциональных особенностях и роли государства в экономике.

Историческое становление гетеродоксальной экономической теории как оппозиционного направления по отношению к мейнстримной экономике началось в конце XIX – начале XX вв. в США

и Великобритании и сопровождалось чередой периодов подъема и снижения научного интереса¹ [3]. Неоклассическая теория цен имела преобладающее влияние в американской академической экономической мысли, объясняющей формирование рыночного ценообразования на основе взаимодействия спроса и предложения, предельной полезности и предельных издержек, при предположении рационального поведения экономических агентов и совершенной конкуренции. С критикой маржиналистской теории выступали представители немецкой исторической школы и такие экономисты институционального направления, как Т. Веблен и У. Гамильтон. Постепенно к ним присоединились Г. Минс и Э. Норс и др. [4]. В начале XX в. в Соединенных Штатах Америки предпринимались попытки создания гетеродоксального сообщества. Работы институционалистов привели к формированию небольшой, расколотой группы экономистов, находящихся вне мейн-стрима экономической дисциплины. Как отмечает Ф.С. Ли, к 1940 г. были заложены основы для интеграции теории управляемых цен Минса с кейнсианской макроэкономической теорией, что могло бы привести к созданию полноценной гетеродоксальной теории, способной конкурировать с неоклассической теорией. Однако эта интеграция так и не состоялась².

Маргинализация гетеродоксальной экономики в академических институтах в послевоенный период (1950-е гг.) была обусловлена теоретическим расколом и политическим давлением. Эпоха маккартизма³, отличавшаяся антикоммунистическим настроением в политической и академической жизни в США, привела к расследованиям и увольнениям всех экономистов, чьи взгляды считались радикальными или необычными. Эти необычные экономисты включали сторонников нового курса, сторонников государственного регулирования, профсоюзов и прав граждан, а также защитников трудовых и потребительских союзов. Нападки были направлены не только на коммунистов, но и на гетеродоксальную экономическую идеологию в целом. Кроме того, помимо политического давления, существовала оппозиция со стороны неоклассических экономистов, которые отвергали гетеродоксальную теорию как несущественную или даже неэкономическую. Результатом стало подавление марксистской теории и почти полное исчезновение институциональной теории в академической среде США.

В 1960-е гг. вновь стала популярной радикальная и марксистская экономика с публикацией книг «Монополистический капитализм» [5] и «Процветание в кризис» [6]. Этот период ознаменовался появлением нескольких конференций, симпозиумов и образовательных инициатив, а также созданием Союза радикальных политических экономистов (URPE)⁴ и основанием журнала «Обзор радикальной политэкономии» (Review of Radical Political Economics)⁵.

Посткейнсианская экономика получила активное развитие в 1970-е гг. в США благодаря таким организациям, как URPE, Ассоциация эволюционной экономики (AFEE), Ассоциация социального анализа экономики (ASE) и Ассоциация институциональной мысли (AFIT). В русле посткейнсианства работали видные экономисты, среди которых С. Вайнтрауб [7], П. Дэвидсон [8], Х. Мински [9], Э. Нелл [10], А. Айхнер [11], Я. Крегель [12] и др. По мнению указанных авторов, ведущие печатные издания для экономистов, например American Economic Review, закрыты для гетеродоксальных экономистов, и им требуется свое дискуссионное пространство. Это привело к созданию Журнала посткейнсианской экономики (Journal of Post Keynesian Economics⁶) в составе издательского дома Taylor&Francis [3].

¹ Review of A history of heterodox economics: Challenging the mainstream in the twentieth century by F.S. Lee. Heterodox Economics Newsletter, 2009, iss. 78. URL: <https://www.heterodoxnews.com/n/htn78.htm>

² Review of A history of heterodox economics: Challenging the mainstream in the twentieth century by F.S. Lee.

³ Hoyt A. How McCarthyism Works. URL: <https://history.howstuffworks.com/historical-figures/mccarthyism.htm#pt2>

⁴ Union for Radical Political Economics, URPE. URL: <https://urpe.org/>

⁵ Review of Radical Political Economics. SAGE Journals. URL: <https://journals.sagepub.com/home/rpe>

⁶ Journal of Post Keynesian Economics. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/mpke20>

В Великобритании развитие гетеродоксальной экономики начиналось с попыток изучения марксизма. Это привело к созданию движения независимого рабочего образования (IWCLE) в 1920-е гг. и другим школам, связанным с коммунистической партией. Вовлеченность в марксистскую теорию в университетах Великобритании была ограниченной. Включение марксистской теории в образовательные программы, скорее, преследовало критические цели, нежели поддерживающие или просветительские. В начале и середине XX в. учебные программы в университетах Великобритании активно стремились исключить историческую, институциональную и марксистскую экономику, особенно в таких элитных учебных заведениях, как Кембридж, Оксфорд и Лондонская школа экономики. Для того чтобы в провинциальных университетах преподавалась «правильная» неоклассическая экономика, студенты должны были сдавать экзамены, организуемые Университетом Лондона, которые оценивали исключительно неоклассическую экономическую теорию, что ставило приверженцев иных подходов в невыгодное положение.

Эпоха 1960-х – 1970-х гг. с появлением новых леворадикальных публикаций, включая журналы и серию New Left Books⁷ (современное название издательства – Verso), открыла новые возможности для развития марксистской теории в Великобритании. Эти события создали условия для пересмотра неоклассического статус-кво в британских университетах. В 1970-е – 1990-е гг. были предложены новые пути для развития гетеродоксальной экономики через научные дискуссии на регулярных площадках, например, Конференция социалистических экономистов⁸ и их регулярное печатное издание Bulletin of the CSE и Capital & Class. В Кембридже были основаны Кембриджская политэкономическая ассоциация (CPES)⁹ и ряд журналов под ее эгидой: Cambridge Journal of Economics и Contributions to Political Economy. Эти организации способствовали созданию уникальной идентичности гетеродоксальной экономики в Великобритании. К 1990-м гг. там также стало активно развиваться сообщество посткейнсианцев и гетеродоксальных экономистов.

В 1990–2006 гг. происходит профессиональная интеграция гетеродоксальных экономистов, выделяются теоретические сходства между различными школами гетеродоксальной мысли, такими как марксистская, срафианская, посткейнсианская и институциональная экономика¹⁰. Активно работают профессиональные научные организации: Ассоциация социальной экономики (ASE)¹¹, Ассоциация эволюционной экономики (AFEE)¹² и Ассоциация гетеродоксальной экономики (AHE)¹³, которые поддерживают сотрудничество и развитие среди гетеродоксальных ученых.

Надо отметить, что история развития гетеродоксальных течений неоднократно подвергалась нападками со стороны представителей мейнстрима. Это касается, в частности, научных изданий гетеродоксальной направленности. Так, в рамках реализации правительственной инициативы Research Assessment Exercise (RAE) оценочная деятельность британских университетов и научных учреждений в тот период отличалась критическим отношением к гетеродоксальным подходам в экономической науке. Основной целью RAE являлась разработка институционализированных механизмов оценки и ранжирования экономических факультетов Великобритании. В результате был сформирован рейтинг экономических журналов, именуемый «Алмазным списком» [13]. Этот список включает ведущие и наиболее авторитетные издания, признанные в качестве индикаторов научной значимости в области экономики. Журналы, представляющие гетеродоксальные подходы, были исключены из данного перечня, что привело к отсутствию признания их как полноценной научной деятельности и, соответственно, к ограничению финансовой поддержки.

⁷ Verso Books. URL: <https://www.versobooks.com/en-gb>

⁸ Conference of Socialist Economists (CSE). URL: <https://www.cseweb.org.uk/>

⁹ Cambridge Political Economy Society. URL: <https://cpes.org.uk/#:~:text=The%20Cambridge%20Political%20Economy%20Society,useful%20results%20of%20such%20research.>

¹⁰ Review of A history of heterodox economics: Challenging the mainstream in the twentieth century by F.S. Lee.

¹¹ Association for Social Economics. URL: <https://socialeconomics.org/>

¹² The Association for Evolutionary Economics. URL: <https://afee.net/>

¹³ The Association for Heterodox Economics (AHE). URL: <https://hetecon.net/>

Рейтинговые перечни, например Алмазный список, стали основой для реализации в университетах инициативы, предполагающей, что осведомленность о критериях RAE пронизывает все аспекты исследовательской и публикационной деятельности. В результате акцент на публикациях в журналах топ-10 стал основным критерием оценки исследовательской продуктивности. Более того, была официально утверждена кадровая политика, ориентированная на повышение рейтинга кафедр и департаментов, в рамках которой предпочтение отдавалось исключительно неоклассическим экономистам, особенно тем, кто имел публикации или демонстрировал явный потенциал для публикаций в журналах, входящих в Алмазный список.

С 2014 г. RAE была заменена на REF (Research Excellence Framework – рамочная структура оценки исследований). REF представляет собой развитие RAE, отличающееся более детализированной и глубокой методологией, которая охватывает более широкий контекст оценки научной деятельности.

Обратимся к анализу базовых положений школ гетеродоксального подхода. Вопрос это достаточно сложный в силу значительного разнообразия теорий и концепций, позиционирующих себя в противовес мейнстриму. Цитируя Тони Лоусона, отметим, что гетеродоксальность служит зонтичным термином, охватывающим объединение различных проектов или традиций [14].

Одной из центральных концепций гетеродоксальной экономики является посткейнсианство, которое продолжает идеи Джона Мейнарда Кейнса. В отличие от рыночных моделей, которые предполагают саморегулирование рынка экономических процессов, посткейнсианцы утверждают, что рынки нестабильны, подвержены кризисам и нуждаются в активном вмешательстве государства для сглаживания экономических колебаний. Центральное место в этих подходах занимают фискальная и монетарная политика, направленная на регулирование спроса и поддержание полной занятости.

Посткейнсианцы отвергают идею долгосрочного равновесия, подчеркивая, что экономические системы функционируют в условиях фундаментальной нестабильности, где ожидания агентов формируются в контексте «неустраимой онтологической неопределенности» [15].

Центральным элементом посткейнсианской теории выступает концепция эндогенных денег, разработанная Н. Калдором и П. Дэвидсоном. Согласно этому подходу денежная масса не экзогенно контролируется центральными банками, а генерируется в процессе кредитования коммерческими финансовыми институтами [16]. Данный тезис, подтвержденный эмпирическими исследованиями денежного мультипликатора [17], ставит под сомнение неоклассические модели нейтральности денег, демонстрируя, что финансовый сектор играет активную роль в стимулировании или подавлении экономической активности. Особое значение приобретает теория финансовой хрупкости Х. Мински [9], объясняющая эндогенную природу кризисов через циклы «хеджирования-спекуляции-Понци», которые дестабилизируют рыночные системы даже при отсутствии внешних шоков.

Критический настрой посткейнсианства направлен против редукционизма неоклассических моделей, игнорирующих социально-институциональный контекст. Как отмечает М. Лавуа [18], гипотеза рациональных ожиданий и концепция репрезентативного агента (representative agent framework) неспособны отразить сложность координации в условиях асимметричной информации и конфликта интересов между группами с разной рыночной властью. Альтернативой выступает макроэкономическое моделирование, основанное на принципе эффективного спроса, где инвестиции определяют сбережения, а не наоборот [11]. Этот подход, развитый Дж. Робинсон и П. Сраффой, демонстрирует, что распределение доходов между трудом и капиталом является ключевым фактором, влияющим на совокупное потребление и экономический рост [19].

Современные посткейнсианские исследования фокусируются на анализе политико-экономических вызовов XXI в. – от роста неравенства до экологических рисков. Работы С. Кина [20] по моделированию долговой динамики и исследований в области экологической макроэкономики иллюстри-

руют, как посткейнсианские методы позволяют интегрировать финансовые, социальные и биосферные переменные в единую аналитическую рамку. При этом сохраняется приверженность нормативной повестке регулирования спекулятивных финансов и переход к «экономике устойчивого достатка», что требует институциональных реформ, пересматривающих критерии экономической эффективности. Делается упор на монетарную теорию производства, принцип эффективного спроса, фундаментальную неопределенность и важность распределения [19].

Вместо одновременного равновесия различных рынков экономисты-посткейнсианцы предложили последовательность причинно-следственных связей: спекулятивный спрос на деньги влияет на процентную ставку, что в свою очередь вместе с ожиданиями влияет на уровень инвестиций, и далее инвестиции через мультипликатор определяют доход и занятость. Таким образом, подчеркивалось влияние денежно-кредитных и финансовых рынков на доходы и занятость, что противоречило тезису о нейтральности денег, принятому в классической и маржиналистской традициях. Более того, различные посткейнсианские экономисты утверждали, что предложение денег является эндогенным: то есть количество денег (в частности, банковских) в обращении жестко не контролируется денежно-кредитной политикой, а зависит, по крайней мере частично, от решений других агентов.

Посткейнсианские течения включают в себя несколько направлений: фундаменталисты-кейнсианцы, калецкианцы, сраффианцы, институционалисты и калдорианцы. На основе посткейнсианских воззрений Х. Мински [9] разработал теорию финансовых кризисов, основанную на понятии «финансовой нестабильности». Эта теория была использована в работе [21] в историческом исследовании; на теорию Х. Мински также постоянно ссылались при интерпретации последних финансовых потрясений. Другими направлениями исследований в рамках посткейнсианской концепции являются анализ движения запасов [22], денежно-кредитная схема [23] и др.

Несмотря на отличие от неоклассической теории, посткейнсианство имеет общие черты с другими неортодоксальными подходами, такими как регуляционистская и марксистская теории [24]. К ним относятся сходные взгляды на рациональность, теорию цен, модели экономического роста и денежно-кредитную теорию [24]. Посткейнсианская экономическая теория остается за пределами мейнстрима, что сказывается на ее влиянии на экономическую политику и положения в научных кругах [25]. Несмотря на эти трудности, посткейнсианская экономическая теория продолжает развиваться, предлагая понимание интеграции финансовых и реальных аспектов экономики и предоставляя альтернативу господствующей экономической мысли [18].

Школа регулирования, основанная на французской экономической мысли 1970-х гг., предлагает неортодоксальную критику финансовых инноваций. Находясь под влиянием марксизма и кейнсианства, такие ученые, как Р. Бойер [26], утверждают, что капитализм развивается через кризисы, переходя от фордистских моделей производства к постфордистским режимам, в которых доминирует финансиализация. Этот сдвиг, вызванный дерегулированием и максимизацией акционерной стоимости, усугубляет неравенство доходов, поскольку приоритет отдается капиталу, а не рабочей силе. С этой точки зрения финансовые инновации позволяют передавать риски и расширять кредитование, но дестабилизируют экономику, поскольку отделяется финансирование от производительности реального сектора.

Сторонники регулирования подчеркивают, что финансовая либерализация в 1980-х – 1990-х гг. позволила банкам снизить риски за счет секьюритизации, что создало моральный риск и спекулятивные пузыри. Эта критика связывается с посткейнсианскими опасениями по поводу эндогенных денег и неустойчивости экономического роста, основанного на кредитах. Обе школы выступают за строгое регулирование для ограничения спекулятивной деятельности и приведения финансовых рынков в соответствие с общественным благосостоянием, отвергая неолиберальную веру в самокорректирующиеся рынки.

Новая экономическая социология фокусируется на социальном конструировании экономического действия, подчеркивая роль социальных сетей и взаимосвязей между акторами. Концепция слабых связей [27] предполагает, что менее тесные, но более многочисленные связи в социальных сетях могут играть существенную роль в экономических взаимодействиях и социальной мобильности. Слабые связи выступают в качестве мостов между различными социальными группами и сообществами, открывая доступ к новым знаниям, ресурсам и перспективам. В отличие от сильных связей, которые ограничиваются узкими кругами (например, семьей или ближайшим окружением), слабые связи охватывают более широкий спектр социальных групп, предоставляя доступ к разнообразию информации и возможностей.

Присоединяясь к экономической социологии, школа экономики конвенций акцентирует внимание на множественности форм рациональности и способов координации, критикуя узость неоклассической модели рационального выбора [28].

Автор К. Поланьи [29, 30] предлагает субстантивное определение экономики, которое признает зависимость человека от природы и других людей, а также важность институционального взаимодействия для удовлетворения человеческих потребностей. Этот подход близок к социальной и солидарной экономике (ССЭ), а также к феминистской экономике и экологической экономике. Субстантивная экономика переосмысляет историю через четыре принципа экономической интеграции: рыночный принцип позволяет достичь равновесия между предложением и спросом на товары и услуги; обмен происходит на основе установления цен; принцип перераспределения, согласно которому центральная власть отвечает за распределение полученного дохода; принцип взаимности соответствует отношениям, установленным между группами или лицами через действия, которые имеют смысл только в той мере, в какой они выражают желание продемонстрировать социальную связь между участниками; принцип домашнего хозяйства – отношения базовой группы в рассматриваемом обществе (ойкос, нуклеарная семья и т.д.).

В XIX в. солидарность и ассоциационизм играли имели большое значение для возникновения демократических институтов. Однако с развитием капитализма и продуктивизма эти формы солидарности ослабли. Государство взяло на себя роль перераспределения ресурсов, что привело к зависимости социальной демократии от рыночного роста. Социальная демократия, сосредоточенная на макроэкономической политике и перераспределении, не смогла эффективно интегрировать экономическую инициативу и демократическое участие. Это привело к отчуждению граждан от процесса принятия решений и ограничению их роли в экономике. Социальная экономика при этом подчеркивала важность коллективных предприятий, таких как кооперативы и взаимные общества. Однако со временем эти предприятия утратили свою уникальность, подчинившись рыночной логике.

В рамках институциональной экономики акцент делается на изучение роли институтов, государственных и частных, в формировании экономических процессов. Институциональные экономисты утверждают, что экономическое поведение и распределение ресурсов невозможно понять без учета исторической, культурной и правовой специфики, которая определяет функционирование рынков. Эти исследования стремятся объяснить, как законы, нормы и традиции влияют на экономические решения, улучшая или ухудшая рыночную эффективность.

Институциональная экономика, описанная в работах Т. Веблена и Дж. Коммонса, формирует один из ключевых столпов гетеродоксальной мысли, акцентируя роль социальных норм, правил и властных структур в организации экономических систем. В отличие от неоклассической парадигмы, редуцирующей поведение агентов к оптимизационным алгоритмам, институционалисты рассматривают хозяйственные практики как результат эволюции формальных и неформальных институтов [31]. Концепция привычных мыслительных шаблонов (*habits of thought*) Т. Веблена [32] демонстрирует, что экономические решения детерминируются не только расчетом выгоды, но и культурными традициями, идеологиями и институциональными инерциями. Этот подход развивается в современных исследованиях зависимости от траектории (*path dependence*) [31] и транзакционных издержек

(О. Уильямсон), где рыночные взаимодействия анализируются через призму договорных отношений и институциональных ловушек [33].

Современные научные работы интегрируют институциональный подход в анализ цифровой экономики и климатических рисков. Например, работы М. Аоки [34] по институциональной конвергенции в условиях глобализации раскрывают, как цифровые платформы трансформируют традиционные институты труда, порождая новые формы прекариата. Поведенческие эксперименты С. Муллинайтина [35] в области финансовой доступности показывают, что менталитет дефицита (*scarcity mindset*) усугубляет неравенство, ограничивая способность низкодоходных групп к долгосрочному планированию.

Кроме того, гетеродоксальная экономика включает подходы, которые исследуют экономические системы с точки зрения классовой борьбы и социального неравенства. В частности, марксистская экономика рассматривает капитализм как систему, основанную на эксплуатации труда, и утверждает, что кризисы капиталистической экономики являются неизбежными, поскольку избыточное накопление капитала и перепроизводство ведут к социальной и экономической нестабильности. Марксистская теория акцентирует внимание на неравенстве и стремится объяснить его через взаимодействие классов и их экономическую борьбу.

Современный марксизм, сохраняя преемственность с классической критикой капиталистических отношений, эволюционирует в ответ на вызовы глобализации, цифровизации и экологического кризиса и утверждает себя в качестве влиятельного направления гетеродоксальной экономической мысли. Его методологический каркас, базирующийся на диалектическом материализме, отражает противоречия между капиталом и трудом, экспансией стоимостной формы и биосферными пределами, что радикально отличает его от неоклассического мейнстрима [36]. В отличие от ортодоксальных теорий, абстрагирующихся от социально-исторического контекста, марксистский анализ рассматривает экономику как поле классовой борьбы, где отношения собственности определяют распределение ресурсов и доступ к власти [37].

Ключевым элементом современной марксистской теории остается концепция прибавочной стоимости, переосмысленная в условиях финансовой глобализации. Д. Харви [38] отмечает, что процесс накопления через изъятие (*accumulation by dispossession*) трансформирует традиционные формы эксплуатации, вовлекая в орбиту капитала ранее незатронутые сферы – от интеллектуальной собственности до природных ресурсов. Эмпирические исследования К. Лапавицаса [39] демонстрируют, как финансиализация усиливает экстрактивные механизмы, превращая домохозяйства и государства в объекты долговой зависимости, что перекликается с теорией империализма, разработанной Р. Люксембург и обновленной в работах А. Каллиникоса [40].

Методологическая специфика современного марксизма проявляется в синтезе политэкономического анализа с междисциплинарными подходами. Работы Дж.Б. Фостера [37] по теории метаболического разрыва (*metabolic rift*) интегрируют экологическую критику в классическую схему воспроизводства, показывая, как капиталистическая логика роста разрушает естественные циклы регенерации природы. А. Негри и М. Хардт [1] вводят концепцию когнитивного капитализма, акцентируя переход от материального производства к эксплуатации аффективного и интеллектуального труда в цифровую эпоху. Эти идеи дополняются исследованиями Н. Смита [41] о пространственной фиксации кризисов, где урбанизация и география неравенства становятся ареной конфликтов за ренту и ресурсы.

Критика современного марксизма направлена не только на экономические структуры, но и на эпистемологические основания мейнстрима. Как подчеркивает М. Постон [42], неоклассическая парадигма, фетишизирующая рыночные механизмы, игнорирует исторически преходящий характер товарного фетишизма, который маскирует социальные отношения под отношения между вещами. Эта позиция развивается в работах В. Арриги [43], анализирующего циклы гегемонии через призму

конфликта между финансовым и промышленным капиталом, и С. Амина [44], раскрывающего механизмы периферийного капитализма в глобальном Юге.

Еще одной важной концепцией является экологическая экономика, которая подчеркивает важность учета экологических факторов в экономических процессах. Экологические экономисты утверждают, что существующие модели, ориентированные на максимизацию прибыли, игнорируют экологические последствия человеческой деятельности, что ведет к деградации окружающей среды. В отличие от традиционных экономических теорий, экологическая экономика акцентирует внимание на необходимости учета природных ресурсов, их устойчивости и способности экосистем поддерживать жизнедеятельность человека.

Зеленая экономика, сформировавшаяся в конце XX в. как ответ на экологические кризисы и климатические вызовы, утверждает себя в качестве радикальной альтернативы неоклассической парадигмы, основанной на идее бесконечного роста. Ее теоретический фундамент, восходящий к работам Х. Дали [45] и Р. Костанзы [46], базируется на отрицании антропоцентризма и редукции природы к ресурсу, предлагая биоцентрическую модель хозяйствования, интегрированную в биосферные циклы. В отличие от мейнстрима, акцентирующего максимизацию ВВП, зеленая экономика переопределяет понятие прогресса через призму экологической устойчивости, социальной справедливости и регенерации экосистем [47].

Ключевым элементом концепции выступает критика метаболического разрыва (metabolic rift), введенного Дж.Б. Фостером [37] для описания противоречия между капиталистической логикой накопления и ограниченной способностью природы к воспроизводству. В контексте теории воспроизводства метаболический разрыв обычно относится к нарушению или расхождению между тем, как общество использует природные ресурсы, и способностью природных систем восстанавливать или возобновлять эти ресурсы. Эмпирические исследования Глобальной сети экологического следа (Global Footprint Network) демонстрируют, что текущий уровень потребления человечества требует 1,7 планет Земля, что подчеркивает несостоятельность модели привычной практики (business as usual)¹⁴. В ответ зеленая экономика предлагает переход к циркулярным системам производства, где отходы реинтегрируются в производственные цепочки, а возобновляемые источники энергии заменяют ископаемые [48].

Методологическая специфика направления проявляется в синтезе экономического анализа с экологическими науками. Концепция природного капитала, разработанная П. Хокеном [49], и модель теории планетарных границ вводят в экономический дискурс параметры биоразнообразия, углеродного цикла и устойчивости почв. Эти идеи развиваются в публикациях К. Раворт¹⁵ [50], предложившей модель экономики пончика (doughnut economics), где социальный минимум (доступ к воде, образованию) сочетается с экологическим максимумом (соблюдение климатических лимитов). К. Раворт делает вывод о необходимости фундаментального переосмысления экономических ориентиров, ставя под сомнение традиционную модель, основанную на бесконечном росте ВВП¹⁶ и утверждая, что для устойчивого развития экономика должна стремиться к балансу между социальным благополучием и экологическими ограничениями, а не к непрерывному увеличению производства и потребления.

Институциональный аспект зеленой экономики подчеркивает необходимость трансформации глобальных управленческих структур. Исследования Э. Остром [51] по полицентрическому управлению ресурсами и концепция зеленого государства (экологического государства) Д. Дризека [52] предлагают механизмы перехода от иерархических систем к децентрализованным сетям, где

¹⁴ Wackernagel M., Galli A., Hanscom L. et al. Ecological Footprint accounts. Criticisms and applications. URL: <https://www.footprintnetwork.org/content/uploads/2020/06/Ecological-Footprint-Accounts-Criticisms-and-Applications.pdf>

¹⁵ Raworth K. A New Compass for Economics. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2024/03/Point-of-view-a-new-compass-for-economics-Kate-Raworth>

¹⁶ Ibid.

локальные сообщества участвуют в принятии решений. При этом подчеркивается роль прогрессивного налогообложения, включая углеродные налоги и отмену субсидий для ископаемого топлива [53].

Критики зеленой экономики, однако, указывают на риски ее кооптации неолиберальной повесткой. Как отмечает У. Сакс [54], концепции зеленого роста зачастую маскируют стремление корпораций к монетизации экологических проблем, например, через торговлю квотами на выбросы. Альтернативой выступает антирост-парадигма (degrowth), продвигаемая Дж. Хиккелем [55], которая требует сокращения материального потребления в глобальном Севере и перераспределения ресурсов в пользу периферийных регионов.

Современные исследования фокусируются на интеграции зеленой экономики с цифровыми технологиями. Работы ряда исследователей [56, 52] по блокчейн-платформам для отслеживания углеродного следа и модели ИИ-оптимизации энергосетей [57] демонстрируют потенциал цифровой экологии для снижения ресурсоемкости. Однако сохраняется дискуссия о том, способны ли технологические инновации преодолеть системные противоречия капитализма или лишь отсрочат коллапс [58].

Феминистская экономика, возникшая во второй половине XX в. в рамках критики антропоцентризма и андроцентризма экономической науки, утверждает себя как радикально альтернативный подход, деконструирующий базовые категории мейнстрима через призму гендерного анализа. Ее теоретический фундамент, заложенный работами М. Уоринг [59] и Н. Фолбр [60], базируется на отрицании невидимости неоплачиваемого труда, гендерной сегрегации рынков и патриархальных структур, формирующих распределение ресурсов. В отличие от неоклассических моделей, абстрагирующихся от социального воспроизводства, феминистская парадигма рассматривает экономику как систему, в которой производство товаров и услуг неотделимо от воспроизводства человеческой жизни [52].

Современные исследования фокусируются на интерсекциональном анализе, интегрирующем гендерные, расовые и классовые измерения. Например, работа Р. Огавы [52] о миграционных потоках раскрывает, как мигрантки из стран Восточной Азии, занятые в сфере сервиса по уходу (care work), становятся жертвами тройной эксплуатации – гендерной, расовой и экономической. Моделирование эффектов цифровизации демонстрирует, что алгоритмическая дискриминация воспроизводит исторические паттерны исключения женщин из высокотехнологичных секторов [61].

Институциональный аспект феминистской экономики подчеркивает необходимость трансформации политико-экономических структур. Концепция феминистской макроэкономики, предложенная Д. Эльсон¹⁷, требует пересмотра бюджетной политики с учетом гендерного воздействия (gender budgeting), перераспределения ресурсов в сектор здравоохранения и образования. Анализ кризиса COVID-19, проведенный С. Разави¹⁸, выявил, что пандемия усилила гендерное неравенство, увеличив нагрузку на женщин в сфере неоплачиваемого ухода, что подтверждает необходимость реформ социальной инфраструктуры.

Внутри гетеродоксальной экономической мысли сосуществуют радикально отличающиеся представления о природе и функциях государства – от инструмента макроэкономической стабилизации и перераспределения до идеологического аппарата господства, от механизма компенсации социальных неравенств до институционального гаранта устойчивого развития. Эти расхождения отражают не только методологическое и теоретическое многообразие, но и различные представления о социальной справедливости, целях экономической политики и способах достижения желаемых измене-

¹⁷ Elson D. Budgeting for Women's Rights: Monitoring Government Budgets for Compliance with CEDAW. URL: http://w02.unssc.org/free_resources/UNDP-OHCHRTToolkit/pdf/footnote%2025_Diane_Elson-Summary_of_Monitoring_Government_Budgets_for_Compliance_with_CEDAW.pdf

¹⁸ Razavi S. Care and the COVID-19 Crisis: Gendered Impacts and Lessons for Recovery. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/covid19-and-women.pdf>

ний. Консолидация гетеродоксальных направлений в единую теоретическую или политическую программу в этих условиях представляется сложной и многоаспектной задачей.

Таким образом, внутренняя структура гетеродоксальной экономики представляет собой сложное и многослойное поле, в котором пересекаются разные философские основания, научные методы, исследовательские интересы и политические ориентации. Эти различия нередко препятствуют формальной консолидации гетеродоксии и ее признанию как цельной научной парадигмы. Вместе с тем именно многообразие подходов, теоретическая гибкость и открытость к критике позволяют гетеродоксальной экономике сохранять свою актуальность в условиях кризисов и трансформаций. Будущее гетеродоксии во многом зависит от способности ее представителей преобразовать внутреннюю напряженность в конструктивный диалог и на этой основе выстроить устойчивые научные и образовательные институты.

Критика неоклассической парадигмы концентрируется на ее редукционизме, выражающемся в абстрагировании от властных асимметрий, экологических ограничений и гендерного неравенства. Неспособность предсказания системных кризисов, интерпретируется как следствие игнорирования эндогенной нестабильности финансовых рынков и классовых противоречий, что подчеркивается в посткейнсианских и марксистских исследованиях. В противовес формализованным моделям мейнстрима, гетеродоксия применяет междисциплинарные методы: историко-материалистический анализ (марксизм), изучение институциональных ловушек (эволюционный институционализм), качественную оценку неоплачиваемого труда (феминистская экономика). Синтез данных методов позволяет рассматривать экономику как динамическую систему, подверженную кризисам перепроизводства и экологическим коллапсам.

Несмотря на теоретическую состоятельность, гетеродоксальные школы сталкиваются с маргинализацией в академическом пространстве, обусловленной доминированием неоклассических журналов и образовательных стандартов. Несогласованность направлений, например, противоречия между радикальными марксистами и реформистскими посткейнсианцами, дополнительно ослабляет их влияние на экономическую политику. Дискуссии о возможной конвергенции с ортодоксией фокусируются на двух сценариях: адаптация математического аппарата неоклассики для легитимации гетеродоксальных идей или усиление связей с социологией, экологией и антропологией. Первый путь, однако, критикуется за риск утраты критического потенциала, второй рассматривается как основа для формирования постдисциплинарной исследовательской повестки.

Внедрение методов анализа больших данных и агентного моделирования открывает новые возможности для изучения неравновесных процессов, таких как формирование финансовых пузырей или распространение бедности. Перспективы усиления влияния альтернативных школ связываются с созданием независимых образовательных платформ, развитием прикладных исследований в области цифровизации и климатической политики, а также консолидацией методологических программ. Как отмечает Ф. Ли [3], преодоление фрагментации требует формирования общей эпистемологической рамки, сочетающей критический анализ капитализма с конструктивными моделями посткризисного регулирования. Будущее гетеродоксальной экономики может включать интеграцию с мейнстримной экономической наукой через математизацию или смещение в сторону других социальных дисциплин. Эта область характеризуется плюрализмом, что стимулирует новые исследования и диалог между немейнстримными экономистами.

Гетеродоксальные подходы предлагают разнообразные перспективы в вопросах экономического измерения, профессиональной этики, формирования политики в глобальной экономике, а также связей между различными теоретическими традициями, включая марксистскую, феминистскую и посткейнсианскую.

Список литературы

1. Hardt M., Negri A. *Assembly*. Oxford, Oxford University Press, 2017, 368 p.
2. Толкачев С.А. Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса // *AlterEconomics*. 2025. Т. 22. № 1. С. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3 EDN: FMEBGN
3. Lee F. *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. London, Routledge, 2011, 368 p.
4. Lee F.S. Heterodox Economics and its Critics. *Review of Political Economy*, 2012, vol. 24, iss. 2, pp. 337–351. DOI: 10.1080/09538259.2012.664360
5. Baran P.M., Sweezy P.A. *Monopoly Capitalism: An Essay on the American Economic and Social Order*. New York, Monthly Review Press, 1966, 416 p.
6. Gillman J.M. *Prosperity in Crisis*. New York, Marzani & Munsell, 1965, 256 p.
7. Weintraub S., Davidson P., Babibagahi H. et al. *Keynes, Keynesians, and Monetarists*. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1978, 351 p.
8. Davidson P. *Money and the Real World*. London, Macmillan, 1972, 369 p.
9. Minsky H.P. *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven, Yale University Press, 1986, 432 p.
10. Nell E., Hollis M. *Rational Economic Man*. Cambridge, Cambridge University Press, 1975, 286 p.
11. Eichner A.S. *The Megacorp and Oligopoly: Micro Foundations of Macro Dynamics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, 377 p.
12. Kregel J.A. *Rate of Profit, Distribution and Growth: Two Views*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 1971, 234 p.
13. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Глобальные рейтинги университетов: проблема манипулирования // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2012. № 1. С. 126–146. EDN: OYNMKL
14. Lawson T. The Nature of Heterodox Economics. *Cambridge Journal of Economics*, 2006, vol. 30, iss. 4, pp. 483–505. DOI: 10.1093/cje/bei093
15. Shackle G.L.S. *Epistemics and Economics: A Critique of Economic Doctrines*. New York, Routledge, 1992, 495 p. DOI: 10.4324/9781351311649
16. Moore B. *Horizontalists and Verticalists: The Macroeconomics of Credit Money*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988, 440 p.
17. Palley T.I. Endogenous Money: What It Is and Why It Matters. *Metroeconomica*, 2002, vol. 53, iss. 2, pp. 152–180. DOI: 10.1111/1467-999X.00138
18. Lavoie M. *Post-Keynesian Economics: New Foundations*. Cheltenham, Edward Elgar, 2022, 744 p. DOI: 10.4337/9781839109621
19. Hein E. Post-Keynesian macroeconomics since the mid-1990s: main developments. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 2017, vol. 14, iss. 2, pp. 131–172. DOI: 10.4337/ejeep.2017.02.01
20. Keen S. *Debunking Economics: The Naked Emperor of the Social Sciences*. Australia, Pluto Press, 2001, 335 p.
21. Kindleberger C.P., Aliber R.Z. *Manias, Panics, and Crashes: A History of Financial Crises*. 5th ed. Springer, 2005, 309 p.

22. Godley W., Lavoie M. Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007, 573 p.
23. Graziani A. The Monetary Theory of Production. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511493546
24. Lavoie M. Introduction to Post-Keynesian Economics. New York, Macmillan, 2006, 164 p.
25. Dequech D. Post Keynesianism, Heterodoxy and Mainstream Economics. *Review of Political Economy*, 2012, vol. 24, iss. 2, pp. 353–368. DOI: 10.1080/09538259.2012.664364
26. Boyer R. Économie politique des capitalismes. Théorie de la régulation et des crises. Paris, La Découverte, 2015, 376 p.
27. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469
28. Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 4–11. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-7-4-11 EDN: MSRFEN
29. Polanyi K. Origins of Our Time: The Great Transformation. London, Victor Gollancz, 1945, 305 p.
30. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002. 311 с.
31. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 152 p.
32. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York, Macmillan, 1899, 261 p.
33. Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York, The Free Press, 1985, 450 p.
34. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MIT Press, 2001, 467 p.
35. Mullainathan S., Shafir E. Scarcity: Why Having Too Little Means So Much. New York, Henry Holt and Company, 2013, 304 p.
36. Harvey D. The Enigma of Capital and the Crises of Capitalism. Oxford, Oxford University Press, 2010, 296 p.
37. Foster J.B., Clark B., York R. The Ecological Rift: Capitalism's War on the Earth. New York, Monthly Review Press, 2010, 544 p.
38. Harvey D. Marx, Capital, and the Madness of Economic Reason. New York, Oxford University Press, 2018, 252 p.
39. Lapavistas C. Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. London, Verso Books, 2014, 416 p.
40. Callinicos A. Imperialism and Global Political Economy. 2005. John Wiley & Sons, 2013, 288 p.
41. Smith N. Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. University of Georgia Press, 2008, 323 p.
42. Postone M. Time, Labor, and Social Domination. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 424 p.
43. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London, Verso Books, 2007, 418 p.
44. Amin S. The Law of Worldwide Value. New York, Monthly Review Press, 2010, 160 p.
45. Daly H.E. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston, Beacon Press, 1996, 253 p.

46. Costanza R., Cumberland J., Daly H. et al. An Introduction to Ecological Economics. Boca Raton, CRC Press, 1997, 275 p.
47. Jackson T. Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet. London, Routledge, 2009, 288 p. DOI: 10.4324/9781849774338 EDN: YZZDJN
48. Stahel W.R. The Circular Economy: A User's Guide. London, Routledge, 2019, 118 p.
49. Hawken P., Lovins H., Lovins A. Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution. Boston, Little, Brown and Company, 1999, 396 p.
50. Raworth K. Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist. Chelsea Green Publishing, 2017, 309 p.
51. Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *The American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 3, pp. 641–672.
52. Dryzek J.S. The Politics of the Earth: Environmental Discourse. Oxford, Oxford University Press, 1997, 220 p.
53. Stern N. Why Are We Waiting? The Logic, Urgency, and Promise of Tackling Climate Change. Cambridge, MIT Press, 2015. DOI: 10.7551/mitpress/10408.001.0001
54. Sachs W. The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power. London, Zed Books, 1992, 306 p.
55. Wright E.O. Envisioning Real Utopias. London, Verso, 2010, 416 p.
56. Elkington J. Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business. Oxford, Capstone Publishing, 1997, 424 p.
57. Rifkin J. The Green New Deal: Why the Fossil Fuel Civilization Will Collapse by 2028, and the Bold Economic Plan to Save Life on Earth. New York, St. Martin's Press, 2019, 304 p.
58. Malm A. The Progress of This Storm: Nature and Society in a Warming World. London, Verso Books, 2018, 256 p.
59. Waring M. If Women Counted: A New Feminist Economics. San Francisco, Harper Collins Publishers, 1990, 416 p.
60. Folbre N. The Invisible Heart: Economics and Family Values. New York, New Press, 2001, 267 p.
61. Dow S. Gender and the future of macroeconomics: an evolutionary approach. *Review of Evolutionary Political Economy*, 2020, vol. 1, pp. 55–66. DOI: 10.1007/s43253-020-00001-8 EDN: BRSZCN

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

FORMING A HETERODOX PARADIGM IN THE CONTEXT OF CHALLENGES OF THE MODERN ECONOMYDOI: <https://doi.org/10.24891/uiqtod>EDN: <https://elibrary.ru/uiqtod>**Dinara R. ORLOVA**

corresponding author, Financial University under Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: DROrlova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-2901-070X

Alina I. ANISIMOVA

Financial University under Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: aianisimova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-4761-1656

Article history:

Article No. 505/2025

Received 4 Aug 2025

Accepted 8 Aug 2025

Available online

30 Sept 2025

JEL Classification:

B50, P16, Q01

Keywords: heterodox economics, neoclassical paradigm, feminist economics, ecological economics, interdisciplinary approach**Abstract****Subject.** This article examines heterodox approaches to economics, focusing on their criticism of the neoclassical paradigm.**Objectives.** This article aims to show the possibility of analyzing the economy as a dynamic and evolutionary system subject to internal contradictions and instability, which contrasts with the predictable and closed models of the mainstream.**Methods.** For the study, we used an interdisciplinary approach.**Results.** The article shows that heterodox economics provides a more complete understanding of social and environmental challenges, considering the economy as an open process in which the participation of different social groups and accounting for natural resources are the key factors.**Conclusions.** It is concluded that heterodox economic schools face marginalization in the academic space, but their pluralism and openness to new approaches allow them to remain relevant and stimulate the development of more adequate economic theories that include issues of social justice and environmental sustainability.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2025

Please cite this article as: Orlova D.R., Anisimova A.I. Forming a heterodox paradigm in the context of challenges of the modern economy. *Finance and Credit*, 2025, iss. 9, pp. 53–70. DOI: 10.24891/uiqtod EDN: UIQTOD**Acknowledgments**

The article is based on the results of publicly-funded research within the framework of the State job to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

References

1. Hardt M., Negri A. *Assembly*. Oxford, Oxford University Press, 2017, 368 p.
2. Tolkachev S.A. [The Fate of Economic Theory at the Stage of the Global Economic Crisis]. *AlterEconomics*, 2025, vol. 22, no. 1, pp. 22–39. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3 EDN: FMEBGN

3. Lee F. A history of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century. London, Routledge, 2011, 368 p.
4. Lee F.S. Heterodox Economics and its Critics. *Review of Political Economy*, 2012, vol. 24, iss. 2, pp. 337–351. DOI: 10.1080/09538259.2012.664360
5. Baran P.M., Sweezy P.A. Monopoly Capitalism: An Essay on the American Economic and Social Order. New York, Monthly Review Press, 1966, 416 p.
6. Gillman J.M. Prosperity in Crisis. New York, Marzani & Munsell, 1965, 256 p.
7. Weintraub S., Davidson P., Babibagahi H. et al. Keynes, Keynesians, and Monetarists. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1978, 351 p.
8. Davidson P. Money and the Real World. London, Macmillan, 1972, 369 p.
9. Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, Yale University Press, 1986, 432 p.
10. Nell E., Hollis M. Rational Economic Man. Cambridge, Cambridge University Press, 1975, 286 p.
11. Eichner A.S. The Megacorp and Oligopoly: Micro Foundations of Macro Dynamics. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, 377 p.
12. Kregel J.A. Rate of Profit, Distribution and Growth: Two Views. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 1971, 234 p.
13. Balatskii E.V., Ekimova N.A. [Global University Rankings: The Problem of Manipulation]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2012, no. 1, pp. 126–146. (In Russ.) EDN: OYNMKL
14. Lawson T. The Nature of Heterodox Economics. *Cambridge Journal of Economics*, 2006, vol. 30, iss. 4, pp. 483–505. DOI: 10.1093/cje/bei093
15. Shackle G.L.S. Epistemics and Economics: A Critique of Economic Doctrines. New York, Routledge, 1992, 495 p. DOI: 10.4324/9781351311649.
16. Moore B. Horizontalists and Verticalists: The Macroeconomics of Credit Money. Cambridge, Cambridge University Press, 1988, 440 p.
17. Palley T.I. Endogenous Money: What It Is and Why It Matters. *Metroeconomica*, 2002, vol. 53, iss. 2, pp. 152–180. DOI: 10.1111/1467-999X.00138
18. Lavoie M. Post-Keynesian Economics: New Foundations. Cheltenham, Edward Elgar, 2022, 744 p. DOI: 10.4337/9781839109621
19. Hein E. Post-Keynesian macroeconomics since the mid-1990s: main developments. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 2017, vol. 14, iss. 2, pp. 131–172. DOI: 10.4337/ejeep.2017.02.01
20. Keen S. Debunking Economics: The Naked Emperor of the Social Sciences. Australia, Pluto Press, 2001, 335 p.
21. Kindleberger C.P., Aliber R.Z. Manias, Panics, and Crashes: A History of Financial Crises. 5th ed. Springer, 2005, 309 p.
22. Godley W., Lavoie M. Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007, 573 p.
23. Graziani A. The Monetary Theory of Production. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511493546
24. Lavoie M. Introduction to Post-Keynesian Economics. New York, Macmillan, 2006, 164 p.
25. Dequech D. Post Keynesianism, Heterodoxy and Mainstream Economics. *Review of Political Economy*, 2012, vol. 24, iss. 2, pp. 353–368. DOI: 10.1080/09538259.2012.664364

26. Boyer R. Économie politique des capitalismes. Théorie de la régulation et des crises. Paris, La Découverte, 2015, 376 p.
27. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469
28. Kirchik O. [The economy of conventions, economic heterodoxy, and social ontology]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 7, pp. 4–11. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2010-7-4-11 EDN: MSRFEN
29. Polanyi K. Origins of our time: The great transformation. London, Victor Gollancz, 1945, 305 p.
30. Polan'i K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002, 311 p.
31. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 152 p.
32. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York, Macmillan, 1899, 261 p.
33. Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York, The Free Press, 1985, 450 p.
34. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MIT Press, 2001, 467 p.
35. Mullainathan S., Shafir E. Scarcity: Why Having Too Little Means So Much. New York, Henry Holt and Company, 2013, 304 p.
36. Harvey D. The Enigma of Capital and the Crises of Capitalism. Oxford, Oxford University Press, 2010, 296 p.
37. Foster J.B., Clark B., York R. The Ecological Rift: Capitalism's War on the Earth. New York, Monthly Review Press, 2010, 544 p.
38. Harvey D. Marx, Capital, and the Madness of Economic Reason. New York, Oxford University Press, 2018, 252 p.
39. Lapavistas C. Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. London, Verso Books, 2014, 416 p.
40. Callinicos A. Imperialism and Global Political Economy. 2005. John Wiley & Sons, 2013, 288 p.
41. Smith N. Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. University of Georgia Press, 2008, 323 p.
42. Postone M. Time, Labor, and Social Domination. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 424 p.
43. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London, Verso Books, 2007, 418 p.
44. Amin S. The Law of Worldwide Value. New York, Monthly Review Press, 2010, 160 p.
45. Daly H.E. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston, Beacon Press, 1996, 253 p.
46. Costanza R., Cumberland J., Daly H. et al. An Introduction to Ecological Economics. Boca Raton, CRC Press, 1997, 275 p.
47. Jackson T. Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet. London, Routledge, 2009, 288 p. DOI: 10.4324/9781849774338 EDN: YZZDJN
48. Stahel W.R. The Circular Economy: A User's Guide. London, Routledge, 2019, 118 p.

49. Hawken P., Lovins H., Lovins A. *Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution*. Boston, Little, Brown and Company, 1999, 396 p.
50. Raworth K. *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. Chelsea Green Publishing, 2017, 309 p.
51. Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *The American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 3, pp. 641–672.
52. Dryzek J.S. *The Politics of the Earth: Environmental Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 1997, 220 p.
53. Stern N. *Why Are We Waiting? The Logic, Urgency, and Promise of Tackling Climate Change*. Cambridge, MIT Press, 2015. DOI: 10.7551/mitpress/10408.001.0001
54. Sachs W. *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. London, Zed Books, 1992, 306 p.
55. Wright E.O. *Envisioning Real Utopias*. London, Verso, 2010, 416 p.
56. Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business*. Oxford, Capstone Publishing, 1997, 424 p.
57. Rifkin J. *The Green New Deal: Why the Fossil Fuel Civilization Will Collapse by 2028, and the Bold Economic Plan to Save Life on Earth*. New York, St. Martin's Press, 2019, 304 p.
58. Malm A. *The Progress of This Storm: Nature and Society in a Warming World*. London, Verso Books, 2018, 256 p.
59. Waring M. *If Women Counted: A New Feminist Economics*. San Francisco, Harper Collins Publishers, 1990, 416 p.
60. Folbre N. *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. New York, New Press, 2001, 267 p.
61. Dow S. Gender and the future of macroeconomics: an evolutionary approach. *Review of Evolutionary Political Economy*, 2020, vol. 1, pp. 55–66. DOI: 10.1007/s43253-020-00001-8 EDN: BRSZCN

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.